

БЕРНАРД ШОУ

Дом,
где разбиваются
сердца

Москва

> МАГИСТРАЛЪ >

БЕРНАРД ШОУ

Дом,
где разбиваются
сердца

Москва

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6
Ш81

George Bernard Shaw
HEARTBREAK HOUSE

Перевод с английского

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Шоу, Бернард.

Ш81 Дом, где разбиваются сердца : [пьесы : перевод с английского] / Бернард Шоу. — Москва : Эксмо, 2025. — 496 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-215873-5

В данный сборник вошли четыре пьесы Бернарда Шоу: «Пигмалион», «Цезарь и Клеопатра», «Дом, где разбиваются сердца», «Профессия миссис Уоррен», ставшие классикой театральных сцен всего мира.

Шоу остро поднимает проблемы духовного кризиса и лицемерия в обществе в «Доме, где разбиваются сердца»; вопросов нравственности, женской независимости и социальной несправедливости в «Профессии миссис Уоррен»; классового неравенства и социальных предрассудков в «Пигмалионе»; власти и нравственного роста личности через историческую призму в «Цезаре и Клеопатре». В каждой пьесе автор через острый юмор и парадоксы побуждает к переосмыслению установок и поиску подлинных человеческих ценностей.

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

ISBN 978-5-04-215873-5

- © В. Бабков, перевод на русский язык, 2025
- © М. Богословская, С. Бобров, перевод на русский язык. Наследники, 2025
- © Дарузес Н., перевод на русский язык. Наследники, 2025
- © Лопырева Е., перевод на русский язык. Наследники, 2025
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Дом, где разбиваются
сердца*

Фантазия в русском стиле
на английские темы

Предисловие

ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ, ЭТОТ ДОМ?

«Дом, где разбиваются сердца» — это не просто название пьесы, к которой эта статья служит предисловием. Это культурная, праздная Европа перед войной. Когда я начинал писать эту пьесу, не прозвучало еще ни единого выстрела и только профессиональные дипломаты да весьма немногие любители, помешанные на внешней политике, знали, что пушки уже заряжены. У русского драматурга Чехова есть четыре прелестных этюда для театра о Доме, где разбиваются сердца, три из которых — «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Чайка» — ставились в Англии. Толстой в своих «Плодах просвещения» изобразил его нам, как только умел он — жестоко и презрительно. Толстой не расточал на него своего сочувствия: для Толстого это был Дом, где Европа душила свою совесть. И он знал, что из-за нашей крайней расслабленности и суетности в этой перегретой комнатной атмосфере миром правят бездушная невежественная хитрость и энергия со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями. Толстой не был пессимистом: он вовсе не хотел оставлять Дом на месте, если мог обрушить его прямо на головы красивых и милых сластолюбцев, обитавших в нем. И он бодро размахивал киркой. Он смотрел на них как на людей, отравившихся опиумом, когда надо хватать пациентов за шиворот и грубо трясти их, пока они не очухаются. Чехов был более фаталист и не верил, что эти очаро-

8 Предисловие

вательные люди могут выкарабкаться. Он считал, что их продадут с молотка и выставят вон; поэтому он не стесняясь подчеркивал их привлекательность и даже льстил им.

ОБИТАТЕЛИ ДОМА

В Англии, где театры являются просто обыкновенным коммерческим предприятием, пьесы Чехова, менее доходные, чем качели и карусели, выдержали всего несколько спектаклей в «Театральном обществе». Мы тарасили глаза и говорили: «Как это по-русски!» А мне они не показались только русскими: точно так же, как действие чрезвычайно норвежских пьес Ибсена могло быть с легкостью перенесено в любой буржуазный или интеллигентский загородный дом в Европе, так и события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды и вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота. Эти милые люди умели читать, иные умели писать; и они были единственными носителями культуры, которые по своему общественному положению имели возможность вступать в контакт с политическими деятелями, с чиновниками и владельцами газет и с теми, у кого была хоть какая-то возможность влиять на них или участвовать в их деятельности. Но они сторонились таких контактов. Они ненавидели политику. Они не желали реализовать Утопию для простого народа: они желали в своей собственной жизни реализовать любимые романы и стихи и, когда могли, не стесняясь жили на доходы, которых вовсе не заработали. Женщины в девичестве старались походить на звезд варьете, а позже успокаивались на типе красоты, изобретенном художниками предыдущего поколения. Обитатели До-

ма заняли единственное место в обществе, где можно было обладать досугом для наслаждения высшей культурой, и превратили его в экономическую, политическую и — насколько это было возможно — моральную пустоту. И поскольку природа, не принимающая пустоты, немедленно заполнила его сексом и всеми другими видами изысканных удовольствий, это место стало в лучшем случае привлекательнейшим местом в часы отдыха. В другие моменты оно делалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно было настоящей Капудей.

ЗАЛ ДЛЯ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Но где еще могли устроиться уютно наши заправилы, как не здесь? Помимо Дома, где разбиваются сердца, можно было еще устроиться в Зале для верховой езды. Он состоял из тюрьмы для лошадей и пристройки для дам и джентльменов, которые ездили на лошадях, гоняли их, говорили о них, покупали их и продавали и девять десятых своей жизни готовы были положить на них, а оставшуюся, десятую часть делили между актами милосердия, хождением в церковь (что заменяет религию) и участием в выборах на стороне консерваторов (что заменяет политику). Правда, два этих учреждения соприкасались: изгнанных из библиотеки, из музыкального салона и картинной галереи можно было подчас встретить изнывающими в конюшнях и ужасно недовольными; а отважные всадницы, засыпающие при первых звуках Шумана, оказывались совсем не к месту в садах Клингсора. Иногда все-таки попадались и объездчики лошадей, и губители душ, которые жили припеваючи там и здесь. Однако, как правило, два этих мира существовали отдельно и знать не знали друг друга, так что премьер-министру и его присным приходилось выбирать между вар-

10 *Предисловие*

варством и Капуей. И трудно сказать, какая из двух атмосфер больше вредила умению управлять государством.

РЕВОЛЮЦИЯ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Дом, где разбиваются сердца, был близко знаком с революционными идеями — на бумаге. Его обитатели стремились быть передовыми и свободомыслящими и почти никогда не ходили в церковь и не соблюдали воскресного дня, разве что в виде забавы в конце недели. Приезжая в Дом, чтобы остаться там с пятницы по вторник, на полке в своей спальне вы находили книги не только поэтов и прозаиков, но также и революционных биологов и даже экономистов. Без нескольких пьес — моих и м-ра Гренвилл-Баркера, без нескольких повестей м-ра Г. Дж. Уэллса, м-ра Арнольда Беннета и м-ра Джона Голсуорси — Дом не был бы передовым. Из поэтов вы могли найти там Блейка, а рядом с ним Бергсона, Батлера, Скотта Холдейна, стихи Мередита и Томаса Харди и, вообще говоря, все литературные пособия, нужные для формирования сознания настоящего современного социалиста и творческого эволюциониста. Забавно было провести воскресенье, просматривая эти книги, а в понедельник утром читать в газете, как страну едва не довели до анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции (его прабабушка не стала бы тут и оправдываться) отказался «признать» какой-нибудь могущественный профсоюз, совсем так, как если бы гондола отказалась признать лайнер водоизмещением в 20 000 тонн.

Короче говоря, власть и культура жили врозь. Варвары не только буквально сидели в седле, но сидели они и на министерской скамье в палате общин, и некому было исправлять их невероятное невежество в обла-

сти современной мысли и политической науки, кроме выскочек из счетных контор, занятых не столько своим образованием, сколько своими карманами. Однако и те и другие знали, как обходиться и с деньгами, и с людьми, то есть умели собирать одни и использовать других; и хотя это столь же неприятное умение, как и умение средневекового разбойного барона, оно позволяло людям по-старому управлять имением или предприятием без надлежащего понимания дела, совсем так, как торговцы с Бонд-стрит и домашние слуги поддерживают жизнь модного общества, вовсе не изучая социологии.

ВИШНЕВЫЙ САД

Люди из Дома, где разбиваются сердца, не могли, да и не хотели заниматься ничем подобным. Набив свои головы предчувствиями м-ра Г. Дж. Уэллса — в то время как в головах наших тогдашних правителей не держались даже предчувствия Эразма или сэра Томаса Мора, — они отказывались от тягостной работы политиков, а если бы вдруг и согласились на нее, вероятно, делали бы ее очень плохо. Им и не позволяли вмешиваться, потому что в те дни «всеобщего голосования», только оказавшись по случайности наследственным пэром, мог кто-либо, обремененный солидным культурным снаряжением, попасть в парламент. Но если бы им и было позволено вмешиваться, привычка жить в пустоте сделала бы их беспомощными и неумелыми в общественной деятельности. И в частной-то жизни они нередко проматывали наследство, как герои «Вишневого сада». Даже теми, кто жил по средствам, в действительности руководили их поверенные по делам или агенты, ибо господа не умели управлять имением или вести предприятие, если их все время не подталкивали другие, кому пришлось самим решать задачу: либо выучиться делу, либо умереть с голоду.

12 *Предисловие*

От так называемой демократии при таких обстоятельствах нельзя было ожидать какой-либо помощи. Говорят, каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Вернее было бы сказать, что каждое правительство имеет тех избирателей, которых заслуживает, потому что ораторы с министерской скамьи по своей воле могут просветить или развратить наивных избирателей. Таким образом, наша демократия вращается в порочном круге очередной порядочности и непорядочности.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ ПРИРОДЫ

У Природы способ справляться с нездоровыми условиями, к несчастью, не такой, какой заставляет нас придерживаться гигиенической платежеспособности на основании наличных средств. Природа деморализует нас долгосрочным кредитом и опрометчивыми выдачами сверх положенного и вдруг огорошивает жестоким банкротством. Возьмем, например, обыкновенную санитарию в домах. Целое поколение горожан может полностью и самым возмутительным образом пренебрегать ею если не абсолютно безнаказанно, то, во всяком случае, без вредных последствий, которых можно было бы ожидать в результате таких действий. В больнице два поколения студентов-медиков могут мириться с грязью и небрежностью, а выйдя из нее, заниматься обычной практикой и распространять теории, будто свежий воздух — просто причуда, а санитария — жульничество, установленное ради корысти водопроводчиков. Затем Природа внезапно начинает мстить. Она поражает город заразой, а больницу — эпидемией госпитальной гангрены и крушит насмерть направо и налево, пока невинная молодежь не расплатится сполна за грехи старших, и тогда счет

выравнивается. А потом Природа засыпает снова и отпускает новый долгосрочный кредит с тем же результатом.

Вот как раз это и произошло в нашей политической гигиене. В мое время правительство и избиратели так же беззаботно пренебрегали политической наукой, как Лондон пренебрегал элементарной гигиеной во времена Карла Второго. Дипломатия в международных сношениях — всегда ребячески незаконное дело, дело семейных распрей, коммерческого и территориального разбоя и апатии псевдодобродушия, происходящей от лени, перемежающейся спазматическими приступами яростной деятельности, вызываемой страхом. Но на наших островах мы кое-как выпутывались. Природа отпустила нам кредит на более долгий срок, чем Франции, Германии или России. Британским столетним старикам, умиравшим у себя в постели в 1914 году, жуткая необходимость прятаться в лондонском метро от вражеских бомб казалась более отдаленной и фантастичной, чем страх перед появлением колонии кобр и гремучих змей в Кенсингтонских садах. В своих пророческих сочинениях Чарльз Диккенс предостерегал нас против многих бедствий, которые с тех пор уже постигли нас, но быть убитым чужестранным врагом на пороге собственного дома — там о таком бедствии не было и помину. Природа отпустила нам весьма долгосрочный кредит, и мы злоупотребляли им в крайней степени. Но когда она наконец поразила нас, она поразила нас с лихвой: четыре года она косила наших первенцев и насылала на нас бедствия, какие не снились Египту. Их можно было предотвратить, как Великую лондонскую чуму, и они случились лишь потому, что не были предотвращены. Их не искупила наша победа в войне. Земля до сих пор вспухает от мертвых тел победителей.

ДУРНАЯ ПОЛОВИНА СТОЛЕТИЯ

Трудно сказать, что хуже: равнодушие и небрежность или лживая теория. Но Дом, где разбиваются сердца, и Зал для верховой езды, к сожалению, страдали и от того и от другого. Перед войной цивилизация целых столетия стремительно неслась ко всем чертям под влиянием псевдонауки столь же губительной, как самый черный кальвинизм. Кальвинизм учил, что мы по предопределению будем либо спасены, либо прокляты и, что бы мы ни делали, ничто не может изменить нашей судьбы. Все же, не подсказывая человеку, какой номер он вытащил — счастливый или несчастливый, кальвинизм тем самым оставлял индивидууму известную заинтересованность, поддерживая в нем надежду на спасение и умеряя его страх перед вечным проклятием, если он станет поступать, как подобает избранному, а не как нечестивцу. Но в середине девятнадцатого столетия натуралисты и физики заверили мир именем науки, что и спасение, и погибель — сплошная чепуха и что предопределение есть главная религиозная истина, так как человеческие существа являются производными среды и, следовательно, их грехи и добрые дела оказываются лишь рядом химических и механических реакций, над которыми люди власти не имеют. Такие вымыслы, как разум, свободный выбор, цель, совесть, воля и так далее, учили они, всего-навсего иллюзии, которые сочиняются, ибо приносят пользу в постоянной борьбе человеческого механизма за поддержание своей среды в благоприятном состоянии — процессе, между прочим включающем безжалостное уничтожение или подчинение конкурентов по добыче средств существования, каковые считаются ограниченными. Этой религии мы научили Пруссию. Пруссия же так успешно воспользовалась нашими указаниями, что вскоре мы оказались перед